И. Р. Баженовъ.

НАША ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА НА БЛИЖНЕМЪ ВОСТОКѢ

СЪ НАЦІОНАЛЬНОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

Докладъ,

сдѣланный 29 декабря 1913 года въ С.-Петербургскомъ Отдѣлѣ Всероссійскаго Національнаго Союза.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.
1914.

И. Р. Баженовъ.

НАША ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА НА БЛИЖНЕМЪ ВОСТОКѢ

СЪ НАЦІОНАЛЬНОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

Докладъ,

сдѣланный 29 декабря 1913 года въ С.-Петербургскомъ Отдѣлѣ Всероссійскаго Національнаго Союза.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.
1914.

Наша внѣшняя политика на Ближнемъ Востокѣ съ національной точки зрѣнія.

Національное самосознаніе, а съ нимъ и національныя идеи или цѣли каждаго народа, опредѣляющія, такъ сказать, типъ народа—его лицо, складываются не вдругъ, а постепенно. Во младенчествѣ народы или племена представляютъ собой разрозненные и слабо связанныя другъ съ другомъ семьи и роды, управляемые каждое своими стариками, старѣйшими въ родѣ. Роды эти и семьи, не сознающіе еще своего единства и общности своихъ интересовъ, часто враждуютъ между собою, чѣмъ разслабляютъ все племя и облегчаютъ тѣмъ самымъ врагамъ его порабощать и даже вовсе уничтожать. Но со временемъ, —чаще подъ вліяніемъ нападеній инородцевъ, вслѣдствіе какихъ либо событій извнѣ или внутри народа, или подъ вліяніемъ выдающихся вождей—отдѣльные и враждующіе между собою семьи и роды оставляютъ свою рознь и раздоры и, сознавъ необходимость дѣйствовать къ достиженію какихъ либо ближнихъ цѣлей всѣмъ вмѣстѣ, общими силами, объединяются и кристализуются въ одну сплоченную однородную массу.

Такимъ образомъ создается уже народъ, преслѣдующій не частныя, родовыя, а общія всѣмъ племенныя цѣли. Племя или народъ вступаетъ какъ бы въ пору возмужалости. Общія удачи или неудачи создаютъ общее настроеніе народа, которое сближаетъ отдѣльные его роды, и на этой почвѣ создаются общія всему народу воспо

мнанія, сказанія, былины, религіозный культъ, обряды, языкъ, общія желанія, мечты и т. д.

На этой почвѣ создаются уже національныя черты народа и его идеи и цѣли, которыя и преслѣдуетъ народъ доколѣ не измѣнилъ этимъ идеямъ, доколѣ онъ самъ не измѣнился подъ различными вліяніями и не потерялъ своего лица. Поэтому, чтобы судить о томъ, что представляетъ собой въ данный моментъ политика народа, т. е. отношеніе его къ своимъ идеямъ, завѣтамъ и цѣлямъ и отношеніе его къ сосѣдямъ, національна эта политика или нѣтъ,—необходимо прослѣдить весь историческій путь развитія и достиженія національныхъ идей народа съ самаго возникновенія этихъ идей и цѣлей.

Но такъ какъ каждый народъ окруженъ сосѣдями инородцами, имѣющими каждый свои національныя идеи и цѣли и потому вліяющими на жизнь интересующаго насъ народа, то необходимо для правильной оцѣнки политики этого народа ознакомиться съ политикой и національными идеями его сосѣдей.

Поэтому, т. к. сейчасъ интересуетъ насъ наша политика на ближнемъ востокѣ, гдѣ мы столкнулись съ исконными врагами нашими нѣмцами, то, прежде чѣмъ обратиться къ изложенію возникновенія и развитія нашихъ національныхъ идей, я позволю себѣ остановить не на долго ваше вниманіе на національной идеѣ сосѣдей нашихъ нѣмцевъ изъ чего ясно будетъ—почему нѣмцы стали нашими исконными и заклятыми, не на животъ, а на смерть, врагами.

Первымъ королемъ германскимъ, начавшимъ вовлекать въ сферу своей политики славянъ праваго берега Эльбы, былъ императоръ Карлъ Великій. Онъ положилъ начало движенію германцевъ не только внизъ по Дунаю, но и въ сѣверно-восточномъ направленіи, хотя практическіе результаты его трудовъ выпали на долю позднѣйшаго поколѣнія.

Въ 843 г. по Верденскому договору внуки его Ло-

тарь, Людвикъ и Карлъ подѣлили между собою имперію Карла Великаго.

Ни высшая политика того времени, и даже заинтересованныя массы не останавливались еще ни на какихъ національныхъ идеяхъ и стремленіяхъ и Верденскій договоръ былъ просто рыночной сдѣлкой, въ которой принималась въ разсчетъ *только мѣра*. Людовику достались въ удѣлъ не германцы, какъ нація, а случайно жившіе на доставшихся ему земляхъ баварцы, аламанны, (въ Эльзасѣ) франки жившіе ниже по теченію рѣки на лѣвомъ берегу Рейна и Фризы. Главная же масса будущихъ нѣмцевъ досталась Лотарю. Самое слово Theudisk впослѣдствіи Deutscher—нѣмецъ въ то время обозначало только человѣка, говорящаго не на латинскомъ языкѣ, а на туземномъ народномъ.

Въ политикѣ германскихъ королей сейчасъ насъ интересуетъ отношеніе ихъ къ славянамъ. Герцогъ Саксонскій, около 933 г. первый направилъ свое оружіе противъ славянскаго востока. „Этимъ (по словамъ нѣмецкаго историка профессора Эдуарда Гейка) онъ предначерталъ для будущаго такіе пути, которые вскорѣ пріобрѣли обще-германское, а не исключительно мѣстное саксонское значеніе, какъ только племена объединились и выгода каждаго изъ нихъ стала выгодной для всей націи. Самой осязательной національной цѣлью германскихъ королей *оказалось расширеніе германскаго государства и распространеніе германской народности* по направленію къ берегамъ Балтійскаго моря и къ обширной восточной равнинѣ“.

И нѣмцы упорно и настойчиво двигались къ Балтійскому морю и на востокъ, избивая и выкорчевывая славянское населеніе, искони занимавшее свои земли. Но на этомъ пути въ началѣ XI столѣтія имъ пришлось встрѣтить сильный отпоръ въ лицѣ польскаго короля Болеслава Храбраго (ум. въ 1025 году), которому удалось отбросить нѣмцевъ и основать славянское государ-

ство, простиравшееся отъ Эльбы до Днѣстра. При Болеславѣ Храбромъ впервые была уже подчеркнута противоположность между славянской и германской національными идеями. И борьба завязалась, какъ говорится, не на животъ, а на смерть. Къ несчастію цѣлый рядъ ошибокъ польскихъ королей, о которыхъ здѣсь упоминать не буду, и взаимная вражда чеховъ и поляковъ, свели эту борьбу къ укрѣпленію нѣмцевъ на славянскихъ земляхъ и къ гибели польскаго королевства.

Остановить нѣмцевъ поляки были уже не въ силахъ. Уже въ 1343 г. Король Казиміръ заключилъ въ Калишѣ договоръ съ тевтонами, по которому онъ уступилъ имъ Поморье, Михаловскую и Хельнинскую земли, чѣмъ Польша заперла себѣ дорогу къ Балтійскому морю.

Обыкновенная участь побѣжденныхъ славянъ была такова: имущество отдавалось на разграбленіе, всѣ мужчины, способные носить оружіе, избивались, а все остальное населеніе продавалось въ рабство. Въ дикой Пруссіи дѣйствовавшіе въ ней нѣмецкіе рыцарскіе ордена отнимали у пруссовъ дѣтей и отправляли ихъ для воспитанія въ Германію.

Несмотря однако на ожесточенное и безпощадное истребленіе славянъ, нѣмцамъ трудно доставалась славянская земля. Но вотъ появился въ Магдебургѣ епископъ Вихманъ (отъ 1152 до 1192 г.), придумавшій наилучшій способъ завладѣнія славянскими землями это *колонизація* ихъ; и то что было захвачено мечемъ, было завоевано во второй разъ, и притомъ болѣе основательно, посредствомъ плуга. „Мечъ, крестъ и плугъ общими силами завоевали для Германіи все пространство, лежащее вправо отъ Эльбы“,—говоритъ профессоръ Ранке. Изъ скромности, вѣроятно, прибавлю отъ себя, Ранке не указываетъ до какихъ мѣстъ вправо отъ Эльбы завоевана славянская земля систематичной колонизаціей — не до Кавказа ли уже?

Система колонизаціи Польши и Силезіи нѣмцами

была нѣсколько иная. Вотъ какъ описываетъ ее профессоръ Рихардъ Мейеръ въ своей „исторіи германской колонизаціи на Востокѣ до середины XVI стоиѣтія: Сосѣдство Германіи, связи, существовавшія между господствовавшей династіей и германскими владѣтельными родами, вліяніе нѣмецкихъ женъ и матерей силезскихъ герцоговъ и принцевъ, воспитывавшихся въ Германіи, содѣйствовали уже въ XVI столѣтіи проникновенію нѣмцевъ въ области по среднему теченію рѣки Одера. Совершенно такъ же, какъ въ Помераніи и Мекленбургѣ, это распространеніе германской національности подвигалось впередъ, благодаря покровительству владѣтельныхъ князей славянскаго происхожденія безъ кровопролитій, безъ изгнанія и истребленія негерманскаго населенія въ противоположность тому, что происходило въ Вагріи, Бранденбургѣ и Пруссіи. Въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ колонисты не пользовались покровительствомъ сверху, а польская національность имѣла твердую опору, какъ напримѣръ, въ Верхней Силезіи, тамъ сохранилась славянская народность.“

Къ завоевателямъ и колонизаторамъ съ конца XII вѣка присоединился нѣмецкій купецъ до сего не игравшій замѣтной роли. Особенно трудно было нѣмцамъ одолѣть дикихъ воинственныхъ пруссовъ. Только въ 80 годахъ XIII вѣка состоялось окончательное подчиненіе прусскаго народа, т. е. какъ говоритъ нѣмецкій ученый,—истребленіе большей части его, изгнаніе и порабощеніе остальной. Остатки прусскаго народа погибли мало по малу подъ наплывомъ эмиграціонной волны и уже въ началѣ XIV вѣка въ Пруссіи сталъ господствовать нѣмецкій языкъ. Самодовольный нѣмецкій историкъ разсказываетъ слѣдующій случай: когда среди XIV вѣка одинъ пѣвецъ-пруссъ выступилъ во время придворнаго торжества въ Маріенбургѣ въ числѣ другихъ музыкантовъ нѣмцевъ, то рыцари расхохотались и подарили ему въ насмѣшку 100 пудовъ орѣховъ, т. к. никто изъ нихъ не могъ понять бѣднаго пруссa.

Но въ этомъ XIV вѣкѣ избытокъ силъ Германскаго народа истощается, пульсъ его внѣшней и внутренней жизни замедляется и прекращается распространеніе нѣмцевъ на югъ и на востокъ; чувствуется недостатокъ въ колонистахъ. Долго нѣмецкій удавъ отдыхалъ, поглотивъ западныхъ славянъ и долго длилось перевариваніе славянъ, причемъ нѣмцы подвергались разнымъ превратностямъ и потрясеніямъ, какъ внутри народа такъ и отъ враговъ, грозившихъ имъ даже окончательной ихъ гибелью. Кое что они и утратили изъ своихъ владѣній, но достояніе, утерянное германской націей за время долгой передышки, было вновь завоевано обратно въ XIX вѣкѣ при воскресшей энергіи и расцвѣтѣ національной идеи и при особой усердной помощи съ нашей стороны.

Въ половинѣ XIII вѣка уже на всемъ пространствѣ отъ Силезіи до Пруссіи и Ютландіи восторжествовала германская настойчивость и культура, а вслѣдъ за ними побѣдоносно поднялъ голову сознательный германскій націонализмъ. Туземныя княжескія династіи превратились въ нѣмецкія. Богемскій король Оттокаръ, владѣвшій Штиріей и Австріей, а съ 1269 г. также Каринтіей и Крайной, ревностно трудился надъ распространеніемъ нѣмецкой культуры въ Богеміи и Моравіи, поощрялъ иммиграцію нѣмцевъ въ эти области и стремился къ сліянію ихъ съ остальными своими владѣніями. Такимъ образомъ на наслѣдствѣ Пшемысла зарождался великій и единый восточно-германскій политическій центръ, нынѣшняя Австро-Венгрія.

Наконецъ настала очередь гибели Польши. Въ 1772 году былъ первый раздѣль Польши. Теперь на нашихъ глазахъ та же участь уничтоженія ожидаетъ славянъ Балканскихъ.

Мысль о раздѣлѣ Польши была не новая. Появилась она уже въ концѣ XIV вѣка, вслѣдъ за принятіемъ крещенія Литовскимъ Королемъ Ягелло, въ головѣ у воспріемника его отъ купели нѣкоего Владислава фонъ-Оп-

пельна, имя котораго Владислава II получилъ Ягелло, при крещеніи. Планъ этого раздѣла былъ предложенъ Опшельномъ гохмейстеру Тевтонскаго ордена Конраду фонъ Веллепроду еще въ 1392 гому. Уничтоживъ тысячелѣтняго врага своего и оплотъ славянства на западной Европѣ—Польшу, создавшемуся, какъ я указалъ выше, на наслѣдствѣ Пшемысла великому восточно-германскому политическому центру въ лицѣ Австро-Венгріи уже не трудно было приняться за южныхъ славянъ, населявшихъ Карпаты и Балканскій полуостровъ. Здѣсь нѣмцы напали, можно сказать, уже на лѣвое крыло другой огромной вѣтви славянъ, въ которую главнымъ ядромъ входимъ мы русскіе славяне и къ которымъ я перехожу.

Наши національные цѣли и завѣты сложились діаметрально противоположно нѣмецкимъ національнымъ цѣлямъ и завѣтамъ.

Въ старинѣйшей книгѣ о русской землѣ— въ лѣтописи Нестора нашъ лѣтописецъ, повѣствуя вначалѣ о происхожденіи народовъ и произведя ихъ отъ сыновей Ноя, въ части, гдѣ онъ переходитъ къ исторіи русскаго народа, говоритъ кратко и опредѣленно: „Славянскій языкъ и русскій—одно есть“, и „русскіе —родомъ славяне“. Далѣе лѣтописецъ говоритъ: „Первоначально славяне сидѣли у Карпатскихъ горъ на рѣкѣ Дунаѣ, обрабатывали землю и всему на свѣтѣ предпочитали вольную, простую, сельскую жизнь. Составляли отдѣльными родами, управляемыми своими старѣйшинами, народъ по характеру мирный, какъ это и свойственно земледѣльцу, ни на кого не нападая, никого не обижая, жили славяне особнякомъ отъ прочихъ народовъ, укрываясь отъ всѣхъ враговъ.

Завоевавшіе весь тогдашній миръ римляне не проникали за Дунай и въ Закарпатье и до Рождества Христова римляне ничего не знали объ этихъ мѣстахъ даже по своимъ книгамъ. Только послѣ Р. Хр. Императоръ Траянъ перешелъ съ войскомъ Дунай, страшно приму-

чилъ славянъ и оставилъ по себѣ кровавую память во всемъ славянствѣ. Съ тѣхъ поръ славяне замѣшались съ прочими народами и многіе иноплеменники стали тогда притѣснять славянъ на ихъ рубежахъ. Къ несчастію угнетенію и разоренію славянъ иноплеменниками содѣйствовала исконная рознь между ихъ родами и взаимные раздоры. Эти внутренніе раздоры совмѣстно съ нашествіями иноплеменниковъ вынудили славянъ разойтись въ разныя стороны—далеко съ дунайскаго побережья.

Пошли они въ стороны наименьшаго сопротивленія или вѣрнѣе въ стороны, гдѣ никакого сопротивленія имъ не было. Германское племя не вступило еще въ періодъ движенія на востокъ и Средняя Европа и въ особенности Балтійское побережье съ нынѣшней Сѣверной Германіей еще не входили въ составъ имперіи Карла Великаго. Поэтому, минуя Сѣв. Вост. границу этой имперіи часть славянъ двинулась на Сѣверъ и заняла слабо занятыя разными разсѣянными народцами земли по берегу Балтійскаго моря между Лабой (Эльбой) и дикимъ литовскимъ племенемъ поруссами.

Другіе славяне выселились съ Дуная на югъ и заняли мѣста въ тогдашней греческой имперіи: сербы, болгары и др. Иные удержались ближе къ стариннымъ рубежамъ, какъ то моравы, чехи, ляхи и еще прочіе, которыхъ затѣснили потомъ нѣмцы. Но большая часть славянъ удалилась отъ старой жилой Европы въ глубь никогда еще невѣдомаго материка на востокъ. Эти «восточные», какъ ихъ нынѣ зовутъ, славяне, уступивъ своимъ, оставшимся на прежнемъ мѣстѣ, братьямъ отеческое достояніе, ушли искать мѣста гдѣ бы по прежнему могли продолжать свой мирный бытъ въ покоѣ и тишинѣ. Въ этой новой странѣ между Азіей и Европой они и заложили самое могучее славянское царство: Русское Государство.

Чужими славяне называли только инородцевъ, себя же всѣ они считали своими. Поэтому, какъ только въ

Новгородѣ стала слагаться держава Русскихъ князей, то скоро безъ всякой борьбы всѣ прочіе славянскіе роды, всѣ, гдѣ только звучалъ славянскій языкъ, стали слагаться въ единую Русскую Державу.

Сливая отдѣльные роды въ одно племя и создавая изъ него державу, Государство,—призванные князья вынуждены были самимъ ходомъ вещей научить мирный славянскій народъ, не знавшій до сего никакого оружія, кромѣ плуга, охранять едва зачавшійся ростъ державы и оборонять его отъ враговъ, т. е. научили владѣть оружіемъ и строить городки—крѣпости.

Уже Олегъ стремился объединить всѣхъ славянъ, включить въ русскую державу всѣхъ оставшихся на Карпатахъ и даже и на тѣхъ, что населяли Балканскій полуостровъ. Но послѣдніе входили въ составъ греческой Имперіи и власть надъ ними приходилось оспаривать у этой Имперіи. Святославъ всю свою жизнь стремился отвоевать Придунайскихъ славянъ и болгаръ отъ грековъ и городъ Переяславецъ на Дунаѣ считалъ срединой земли своей *славянской*. Такъ же точно и сынъ Святослава Владиміръ преслѣдовалъ ту же цѣль объединенія всѣхъ славянъ въ одной державѣ и включилъ всѣхъ прикарпатскихъ славянъ, такъ называемую нынѣ Галичскую землю, въ свою Русскую Державу. Это былъ самый дальній на западѣ уголь Русской земли и оплотъ Кіевскихъ предѣловъ противъ венгровъ и Польши.

Такимъ образомъ ясно намѣчается первая и главная можно сказать русская славянская національная идея—объединеніе всѣхъ славянъ подъ одной Державной властью Великаго Князя Русскихъ славянъ, какъ самой могущественной славянской вѣтви.

При Владимірѣ произошло давно подготовляемое и лишь ожидавшее своего полнаго назрѣванія событіе—это принятіе русскими славянами христіанства. Крещеніе Кіева, за которымъ единодушно и безъ малѣйшихъ потрясеній крестилась вся Русь, памѣтило еще одну идею,

ставшую для русскихъ славянъ національною,—это православіе. По всей землѣ русской отъ Новгородскихъ до Кіевскихъ мѣстъ, отъ Галича у Карпатскихъ горъ до при-Азовья—было одно движеніе и пробудилось одно сознаніе: «Всѣ мы братья по Христовой вѣрѣ да и по Русской Землѣ. Одинъ вездѣ народъ православный! Одна земля святорусская».

И какъ одно солнце свѣтитъ на небѣ, такъ на всю святорусскую землю засвѣтило одно красное солнышко Владиміръ Князь Стольно-Кіевскій.—Такъ создалась еще національная идея—единодержавіе.

Въ Кіевѣ былъ поставленъ Цареградскимъ патріархомъ митрополитъ всей Руси и столица краснаго солнышка Владиміра обратилась еще и въ столицу *русскаго православія*.

Вслѣдствіе принятія христіанства отъ Восточной Церкви, сношенія Кіева съ Царьградомъ оживились и стали не только безпрерывными, но буквально ежедневными. Въ вѣрѣ православной Царьградъ и греческая Имперія сливались съ Русью и съ Кіевомъ, такъ какъ принятіе православія вызвало естественно просвѣщеніе русскаго народа, которое, начиная съ азбуки, онъ получалъ оттуда же отъ подчиненныхъ грекамъ родственнымъ намъ славянъ—изъ Болгаріи и Македоніи.

Родственныя чувства и связь между русскими славянами и задунайскими получили новое освященіе, новыя узы въ единой вѣрѣ и въ единомъ просвѣщеніи.

При этомъ нельзя не обратить вниманія на то весьма важное обстоятельство, рѣзко отличающее насъ славянъ отъ нѣмцевъ, что, принявъ христіанство православное и возведя его въ одну изъ чертъ нашего русскаго національнаго лица или типа, мы отграничили себя отъ другихъ народовъ, не исповѣдывавшихъ христіанства и называли ихъ погаными, съ которыми мы избѣгали общенія.

Съ тѣхъ поръ борьба Руси съ востокомъ (некреще-

нымъ) получила уже на все будущее время значеніе борьбы христіанства съ «погаными». Но воюя съ погаными, мы не превратили нашего православія въ воинствующій и фанатическій по образцу католичества, никого изъ покоренныхъ поганыхъ въ свою вѣру ни насиліемъ, ни ухищреніями не обращали, а считали обращеніе въ христіанство дѣломъ совѣсти, на что дикіе «поганые» по мнѣнію Владиміра были даже неспособны.

Все это было для себя, для своей внутренней спокойной жизни. Своего никому не навязывали, чужого не воевали и не искали, а объединяли свое однородное и не давали лишь отнять у насъ нашего. До другихъ намъ не было дѣла.

Въ долгое княженіе Владиміра (послѣ крещенія онъ княжилъ еще 27 лѣтъ), въ спокойную вторую половину его, прозванную золотымъ вѣкомъ, весь русскій народъ впервые пришелъ къ сознанію о своемъ единствѣ.

Въ долгое, мирное и просвѣщенное княженіе Ярослава Мудраго появилась еще одна національная идея у русскихъ славянъ, зачавшаяся еще при Владимірѣ, но окончательно обрисовавшаяся и закончившаяся при Ярославѣ—это полное соединеніе Русскаго державства съ русскимъ православіемъ. Это единеніе Государства и Церкви стало переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ завѣтное родовое наслѣдіе.

Такъ опредѣлились въ строгія рамки наши славянскія національность, самосознаніе и національныя идеи, которыя выразились *въ единствѣ всѣхъ славянъ въ единой вѣрѣ православной, въ единодержавіи одного Великаго Князя всей святорусской земли и въ единеніи Государства и Церкви.*

Трудно себѣ представить пышный расцвѣтъ русскихъ славянъ въ братствѣ и союзѣ съ другими славянами и мощь славянскаго народа, если бы не наступила вскорѣ послѣ Ярослава Мудраго и его внука Владиміра Мономаха взаимная вражда разныхъ удѣльныхъ князей, кото-

рая до того ослабила и раздѣлила Русь, что она уже не въ состояніи была дать никакого отпора татарскому нашествію. Исторія эта всѣмъ извѣстна. Напомню только, что лютая година наступила уже въ 1239 году. Въ сороковыхъ годахъ этого несчастнаго XIII вѣка, Галичскій Князь Даніилъ Романовичъ грознѣе прежняго погромилъ послѣднихъ оставшихся у него враговъ, въ томъ числѣ Венгровъ и положилъ конецъ уже навсегда ихъ притязаніямъ на Галичъ, но въ то время вся Кіевская область покрылась уже грудами развалинъ и труповъ. Самъ Кіевъ, бывшій однимъ изъ красивѣйшихъ, богатѣйшихъ и многолюдныхъ городовъ Европы, обращенъ былъ въ мусоръ, а Галичскому державцу прислано было татарское повелѣніе: «дай Галичъ и размечи свои города на Волынѣ».

Татарское нашествіе смело русскую-славянскую державу и привело къ 300-лѣтнему раззоренію, униженію и рабству. Достаточно времени, чтобы утратить не только всѣ національныя черты и идеи, но и самую жизнеспособность народа!

Черезъ двѣсти лѣтъ послѣ разрушенія русской державы ужасное бѣдствіе постигло и славянство, входившее въ составъ греческой имперіи—29 мая 1453 г. послѣ ужасающаго штурма Константинополь палъ и вся Греческая Имперія порабощена была турками. Русь, сама раздавленная, уже не могла оказать помощи ни родственной по вѣрѣ и культурѣ греческой имперіи, ни братьямъ—Балканскимъ славянамъ.

Но русскій народъ, какъ фениксъ изъ огня, вышелъ изъ подъ татарскаго ига съ еще болѣе окрѣпшимъ національнымъ самосознаніемъ и подъ руководительствомъ цѣлаго ряда геніальныхъ Московскихъ Князей собрался съ силами, сбросилъ съ себя татарское иго и изъ великокняжеской державы превратился въ сильное и стойкое русское Московское Царство.

Москва, укрѣпившись и объединивъ близъ лежавшія

раззоренныя и враждовавшія между собою русскія удѣльныя княжества, воскресила въ русскомъ народѣ сознаніе недѣлимости и однородности какъ народа такъ и русской державы, сбросила наконецъ съ Руси татарское иго и разметала остатки татарскихъ ордъ. Окончательнымъ моментомъ этого освобожденія отъ татарскаго ига слѣдуетъ считать 1552 г. завоеваніе Казани и 1557 г. завоеваніе Астрахани. Татарское могущество было окончательно уничтожено и вся великая Волга стала русской рѣкой.

Освободившись отъ ига и расправивъ долго связанныя руки, Московская Русь однако не забыла свои національные завѣты—объединенія всѣхъ православныхъ славянъ; не забыла, что всѣ мы братья по Христовой вѣрѣ, да по Русской землѣ и стала возвращать русскія земли, захваченныя враждебными сосѣдями, пользовавшимися нашимъ несчастьемъ и мечтавшими на нашемъ несчастьи построить собственное благополучіе. Отторженное возвратихъ. И вотъ началась упорная и длительная борьба Московской Руси съ Литвой, Польшей и Швеціей за наши западныя земли. Много крови и силъ народа русскаго потребовала эта борьба, но во имя національной цѣли Русь не жалѣла ихъ и одна, безъ всякихъ союзниковъ и непрошенныхъ друзей, достигла своей цѣли—вернула почти все, что принадлежало русской державѣ въ Кіевскую эпоху. Конечно мы не могли еще протянуть руку помощи задунайскимъ братьямъ славянамъ. Надо было пробиться снова къ Русскому, нынѣ Черному морю, на берегахъ котораго вмѣсто грековъ засѣли Турки, которыхъ народъ русскій, какъ и прежнихъ половцевъ и другихъ, прозвалъ „погаными“.

Первую попытку помощи задунайскимъ православнымъ христіанамъ и обращенія нашей внѣшней политики на прежній завѣтный національный путь—освобожденія и объединенія съ нами задунайскихъ славянъ—пришлось сдѣлать Петру Великому. Враги воскрешавшей изъ развалинъ Руси—шведы, татары, поляки и другіе,

побудили Турцію объявить намъ войну. Это было пріятно Петру, онъ мечталъ о походѣ на Царь-Градъ, какъ это дѣлали герои древней Руси, чтобы освободить отъ турецкаго ига восточныхъ христіанъ: сербовъ, черногорцевъ, болгаръ, грековъ и валаховъ.

Но къ несчастью походъ этотъ окончился неудачей: Петръ расчитывалъ на общее возстаніе этихъ христіанъ, но именно потому, что этого не произошло, и рухнулъ его планъ. Результатомъ этой неоправданной Балканскими христіанами надежды Петра было возвращеніе туркамъ уже завоеваннаго у нихъ Азова и уничтоженіе Петромъ по договору дорогого его дѣтища только что созданнаго имъ Черноморскаго флота. Огромная жертва принесена, какъ видите, національной идеѣ освобожденія славянъ, но это не охладило насъ и мы затѣмъ неустанно возвращались къ этой цѣли.

Подвластныхъ Турціи Балканскихъ славянъ винить нельзя въ неудачѣ Петра—они еще были слишкомъ подавлены турками и слишкомъ безсильны, а турки въ то время были въ расцвѣтѣ своей силы.

Съ Петра Великаго въ Европѣ стали бояться Россіи и искать союза съ нею въ своихъ личныхъ національныхъ и политическихъ цѣляхъ и къ несчастію Россіи ее вовлекли въ круговоротъ европейскихъ политическихъ интригъ, дрязгъ, ничего общаго съ русскими національными завѣтами, цѣлями и выгодами не имѣющихъ.

Вмѣсто береженія своихъ силъ, какъ духовныхъ, такъ финансовыхъ и арміи для своихъ цѣлей, мы начали вступать въ союзы то съ одной, то съ другой изъ Европейскихъ державъ и стали проливать свою кровь, защищая то австрійское наслѣдство отъ посяганій Французовъ. Пруссаковъ и т. п., то за этихъ послѣднихъ въ борьбѣ съ ихъ врагами. Внѣшняя политика Россіи, не оставляя завѣтной цѣли освобожденія братьевъ славянъ отъ турокъ и объединенія съ ними, однако стала примѣшивать къ

себѣ интересы и цѣли не только не національныя, но прямо антинаціональныя.

Наведенные въ Россію Петромъ, а затѣмъ и слѣдовавшими за нимъ Императрицами, иностранцы проходимцы, неизвѣстно чѣмъ бывшіе у себя на родинѣ, приближались къ трону и становились совѣтниками Короны. Иностраннымъ и низкаго происхожденія бродягамъ, вродѣ Бирона, и ему подобнымъ, ввѣрялось управленіе Россіей и ея національной политикой. Въ дѣло чисто національное русско-славянское—освобожденіе задунайскихъ славянъ отъ турокъ, мы стали приглашать въ качествѣ сотрудниковъ, австрійцевъ и другихъ. Послѣдствія получились немедленно—въ вопросѣ славянскомъ сдѣлались заинтересованными не только русскіе славяне, но и нѣмцы, чего имъ только и нужно было. Но разница въ этой заинтересованности нѣмцевъ и русскихъ въ славянскомъ дѣлѣ огромная и діаметрально противоположная. Русскіе по праву родства и завѣтовъ о единствѣ славянъ стремились къ освобожденію славянъ задунайскихъ отъ турокъ не для порабощенія славянъ, а на благо ихъ, какъ и русскихъ славянъ въ братскомъ единеніи, на равныхъ правахъ и во имя ихъ свободы и національнаго процвѣтанія. Нѣмцы же Австрійцы, поглотившіе уже всѣхъ западныхъ славянъ, подъ предлогомъ помощи славянамъ и освобожденія ихъ изъ подъ ига турецкаго, стремились, какъ и до нынѣ стремятся, къ порабощенію ихъ, вмѣсто Турціи себѣ, и поглощенію и уничтоженію ихъ, какъ это сдѣлано нѣмцами съ западными славянами. Мы выпустили изъ своихъ рукъ наше исконное національное дѣло и пріобщили къ нему нѣмцевъ, чѣмъ превратили дѣло русско-славянское въ обще-европейское.

Это былъ роковой сдвигъ нашей внѣшней политики съ національнаго пути, т. к., какъ я уже говорилъ, въ задачи этого пути нашей исторіи вовсе не входили завоеванія ненужныхъ намъ иноплеменныхъ и иновѣрныхъ народовъ, цѣлью нашей было лишь объединеніе всего

славянства и охрана его отъ порабощенія кѣмъ бы то ни было, будь то Турки, нѣмцы, французы — все равно.

Уже при Аннѣ Іоанновнѣ мы вели войны не только со Швеціей, что было полезно намъ въ цѣляхъ ея ослабленія, для спокойствія нашей сѣверной границы, но и въ Польшѣ за польскую корону—въ это намъ уже вовсе не было нужды мѣшаться.

Не буду приводить здѣсь всѣхъ войнъ нашихъ, какъ то съ Пруссіей при Елизаветѣ въ семилѣтнюю войну и другихъ вмѣшательствъ нашихъ въ Европейскія дѣла и дрязги, что обыкновенно кромѣ вреда, ненужнаго пролитія русской крови на чужихъ поляхъ и въ чуждыхъ намъ интересахъ не принесло. Скажу только, что послѣ напримѣръ разгрома нами Фридриха Великаго, доведеннаго нами уже до мысли объ отреченіи отъ престола и предлагавшаго намъ всю восточную Пруссію, ради сохраненія остальнаго,—вошедшій на престолъ и воспитанный среди нѣмцевъ, въ преклоненіи предъ Фридрихомъ, Петръ III отказался отъ этого предложенія и подарилъ ему то, что залито было и завоевано русской кровью.

При Екатеринѣ Великой, правда, нѣмецкаго происхожденія, но совершенно обрусѣвшей и проникшейся русскими завѣтами до того, что пустившему ей однажды кровь доктору она сказала: спасибо вамъ, теперь легче стало, вы выпустили изъ меня послѣднюю каплю нѣмецкой крови—при Екатеринѣ мы вели цѣлый рядъ войнъ съ Турціей и завоевали все побережье Чернаго моря. Мы твердой ногой стали у устья Дуная. Казалось, что вотъ еще одинъ напоръ, еще одно усиліе и завѣтная, тысячелѣтняя мечта славянства осуществится — славяне русскіе со славянами прикарпатскими и задунайскими сольются въ одно славянское море. Но, чѣмъ больше мы били Турцію и расшатывали ея основы, чѣмъ ближе казалось приближались мы къ братьямъ славянамъ, тѣмъ осуществленіе нашихъ мечтаній отдалялось точно въ сновидѣніи неуловимая греза, точно миражъ въ пустынѣ.

Турція была сведена побѣдами нашими при Екатеринѣ на степень второстепенной державы и всетаки освобожденіе и объединеніе славянъ не наступило. Почему? Потому, что въ неосвобожденіи славянъ и въ необъединеніи ихъ уже сильно заинтересованными стали съ близорукаго попустительства нашей обиностранившейся дипломатіи, нѣмцы, которые, преслѣдуя свои интересы на Балканскомъ полуостровѣ, въ то же время не зѣвали въ Польшѣ, которая имъ, какъ бѣльмо на глазу сильно мѣшала. И правящіе русскіе круги дали отвлечь себя отъ исконной завѣтной цѣли и увлечь страшнымъ для славянскаго дѣла раздѣломъ Польши.

Намъ Польша не мѣшала— напротивъ при ея существованіи Пруссія была безсильна. Безсиліе это Пруссіи противъ Россіи, даже когда во главѣ ея стоялъ Фридрихъ Великій, а Россіей правила Елизавета, было доказано семилѣтней войной, когда русскій генералъ спокойно, какъ на прогулкѣ, вошелъ въ Берлинъ, что пожалуй не такъ легко было бы сдѣлать теперь, а съ другой стороны мы чуть не вошли побѣдоносно въ Константинополь.

Но этотъ ужасный раздѣлъ Польши, и уступка при этомъ Австро-Венгріи прикарпатской нашей Руси—Галиціи, остановили объединеніе славянъ и какъ видно надолго.

При Павлѣ наша внѣшняя политика уже совершенно оставила національныя директивы. Наши лучшіе въ мірѣ солдаты гибли, защищая въ Европѣ короны ничтожныхъ королей Сардинскихъ, Неаполитанскихъ и другихъ и завоевали верхнюю Италію (Ломбардію) для Австрійцевъ. Вступая въ различныя коалиціи Россія безъ всякой пользы для себя разбрасывала свои силы въ угоду иностраннымъ державамъ вмѣсто того, чтобы, пользуясь общимъ европейскимъ замѣшательствомъ, вызваннымъ Наполеономъ, употребить нашу несравненную армію подъ командой непобѣдимаго Суворова для достиженія завѣтнаго и столь долго жданнаго освобожденія и объединенія славанъ. Ни-

какія силы Европы не въ состояніи были бы одолѣть эту желѣзную стѣну славянства, ставшую бы передъ Европой отъ Бѣлаго моря черезъ Карпаты и до Адріатическаго моря. И не было бы тогда и похода Наполеона на Россію и гибели Москвы. Но политика велась окружавшими Павла лицами, заботившимися не объ интересахъ Россіи и Славянства, а о судьбѣ царствовавшихъ въ Европѣ династій до короля Сардиніи включительно.

Но если политика Павла была болѣзненнымъ отклоненіемъ Правителей Россіи отъ національныхъ цѣлей и завѣтовъ, то политику Александра I можно назвать не иначе, какъ политикой окончательной измѣны русскимъ національнымъ идеямъ, попраніемъ народныхъ русскихъ интересовъ и идеаловъ. Подтвержденіемъ такой оцѣнки политики Александра I служитъ нижеслѣдующее: Александръ вступилъ на престолъ въ самый разгаръ борьбы Европы съ Наполеономъ, когда одна коалиція смѣнялась другой, какъ въ калейдоскопѣ.

Пагубное для Россіи влеченіе Александра I къ иностранцамъ вообще и въ частности къ нѣмцамъ, было извѣстно и сказывалось во всѣ годы его царствованія. Такъ, въ числѣ лицъ болѣе приближенныхъ въ качествѣ генералъ-адъютантовъ были нѣмецъ изъ Гессена Винцингероде, пруссакъ Дибичъ; остзейцы: графы Бенкендорфъ и Толь, бароны Корфъ, Розенъ и Меллеръ-Закомельскій; корсиканецъ Поццо-ди Борго: два сардинца: маркизъ Паулуччи и графъ Мишо и три француза: гр. Сенъ-При, гр. Ламбертъ и уроженецъ Швейцаріи Жомини.

Но какъ относились къ этимъ нѣмцамъ русскіе патріоты и выдающіеся русскіе дѣятели? Знаменитый Ермоловъ въ письмѣ къ Закревскому отъ 8 Іюня 1823 г. между прочимъ пишетъ—„теперь только прочнымъ образомъ основалось „царство нѣмцевъ“ и, конечно пользуются они случаемъ“... Тому же Закревскому пишетъ герой отечественной войны Денисъ Давыдовъ, оставивъ службу: „наконецъ, я свободенъ: учебный шагъ, ружей-

ные пріемы, стойки, размѣръ пуговицъ изгоняются изъ головы моей. Шварцы, Гурки и Нейдгардты торжествуйте, я не срамлю вашего сословія! Слава Богу, я свободенъ! Еще не задохся, теперь я на чистомъ воздухѣ"!

И дѣйствительно въ спискахъ нашихъ генераловъ при Александрѣ I пестрятъ фамиліи Паленовъ, Эссеновъ, Гельфрейховъ, Ротовъ, Шварцевъ, Нейдгардтовъ, Розеновъ, Корфовъ, Кнорринговъ, Оппермановъ, Бистромовъ, Пейкеровъ, Ольдекоповъ и т. д. Всѣ они получали полки, бригады, дивизіи и корпуса. Эта „проклятая нѣмецкая шайка", какъ называетъ этихъ нѣмцевъ Ермоловъ въ письмѣ къ Воронцову въ 1814 году ненавидѣла Ермолова и преслѣдовала его какъ и все талантливое и честное русское.

Въ эту эпоху нѣмцы во всю ширь осуществили приведенную мною ранѣе систему колонизаціи сосѣднихъ земель, начиная съ колонизаціи Императорскаго Двора и высшихъ сферъ управленія Россіей. Понятно почему Александръ I проникся идеей, что онъ свыше призванъ къ спасенію Европы, главнымъ образомъ, Германской имперіи и Пруссіи отъ ига Наполеона и къ уничтоженію Наполеона какъ врага человѣчества.

Окруженный плотнымъ нѣмецкимъ кольцомъ Императоръ Александръ I уже на всѣ свои задачи, какъ Царя Русскаго, смотрѣлъ сквозь нѣмецкіе очки и склонный еще къ тому же къ мистицизму и религіозному экстазу, чѣмъ ловко пользовались нѣмцы, Александръ I все болѣе забывалъ что онъ Царь Русскій и воображалъ себя Императоромъ и Управителемъ всей Европы.

Двуличная политика Александра I съ Наполеономъ, выражавшаяся въ разныхъ договорахъ и даже въ союзахъ съ нимъ, но въ то же время и неискренняя и преслѣдовавшая лишь выгоды Пруссіи,— привела наконецъ къ рѣшительному разрыву Наполеона съ Александромъ и мы подверглись ужасному разгрому съ потерей и сожженіемъ Москвы.

Вручивъ уже по требованію русскаго народа и об-

щества русскую армію испытанному русскому вождю Кутузову и освободившись отъ нашествія европейской орды,—Александръ не остановился на этомъ, не задумался надъ тѣмъ, въ цѣляхъ и въ выгодахъ ли Россіи вести дальнѣйшую борьбу съ Наполеономъ и не задумался надъ тѣмъ, достанетъ ли силъ у русскаго народа освобождать еще и Европу отъ Наполеона—на этихъ вопросахъ онъ не останавливался—охватившая его мистическая идея быть Спасителемъ Европы заставила его попрать всѣ интересы русскаго народа и заливать его кровью Пруссію, Германію, Францію до Парижа включительно.

Опьяненный успѣхомъ надъ Наполеономъ и ослѣплённый лицемѣрнымъ низкопоклонствомъ Правителей европейскихъ державъ, Александръ I совсѣмъ забылъ о существованіи Россіи и ея интересахъ и все время проводилъ за границей на разныхъ конгрессахъ или поглощенъ былъ благоустройствомъ тѣхъ самыхъ поляковъ, которые съ Наполеономъ лѣзли на стѣны Смоленска и грабили затѣмъ несчастную Москву. Ослѣпленіе Александра своей новой миссіей Устроителя Европы дошло до того, что несмотря на обнаруженную ему измѣну Россіи спасенныхъ ею отъ Наполеона Англіи, Австріи и Пруссіи онъ не излѣчился отъ ослѣплявшей его утопичной идеи насажденія дружбы, мира и спокойствія въ Европѣ, за счетъ Россіи.

Еще до вторичнаго въѣзда побѣдителей въ Парижъ послѣ Ватерлоо, въ Вѣнѣ Александру I была показана копія секретнаго договора между Франціей, Австріей и Англіей, направленнаго противъ Россіи. Вмѣсто же того, чтобы немедленно по обнаруженію этого договора бросить всю эту такъ называемую Европу на раздѣлку Наполеона по возвращеніи его съ О-ва Эльбы, Александръ въ присутствіи Штейна сказалъ творцу этого гнуснаго заговора противъ Россіи Меттерниху: „Пока мы оба живы, объ этомъ предметѣ никогда не должно быть разговора

между нами. Намъ предстоятъ теперь другія дѣла. Наполеонъ вернулся и поэтому союзъ нашъ долженъ быть тѣснѣе, чѣмъ когда либо". Можно быть увѣреннымъ, что Метернихъ выслушалъ это, думая съ достаточнымъ основаніемъ, что Александръ I по меньшей мѣрѣ не въ своемъ умѣ.

И дѣйствительно трудно чѣмъ либо инымъ объяснить требованія или мечтанія Александра о тѣсномъ союзѣ съ предательницей Австріей и о дружбѣ съ самимъ творцомъ этой низкой измѣны въ отношеніи своей спасительницы Россіи. Но Меттерниху было все прощено и состоялось даже полное примиреніе на почвѣ созданія пресловутаго священнаго союза.

На Аахенскомъ конгрессѣ 1818 г., пишетъ Вел. Кн. Николай Михайловичъ въ своей исторіи Александра I, обнаружилась тѣсная связь между кабинетами Лондонскимъ и Вѣнскимъ: главною причиною этой связи были ревность, страхъ, возбужденные колоссальнымъ величіемъ Россіи, вмѣшательствомъ ея Кабинета во всѣ европейскія отношенія. Было замѣчено съ русской стороны, что Англія и Австрія стремились во 1-хъ, чтобы держать Францію въ продолжительномъ несовершеннолѣтіи; во 2-хъ, слѣдовать той же политикѣ и относительно Испаніи; въ 3-хъ, держать Нидерланды и Португалію въ зависимости отъ Англіи: въ 4-хъ, государства Итальянскія держать въ такой же зависимости отъ Австріи, въ 5-хъ, вооружить германскую Конфедерацію для удержанія Россіи въ завоевательныхъ замыслахъ; *6-хъ, установить прямыя сношенія между Германіей и Оттоманскою Портою съ цѣлью дѣйствовать на Россію, не нарушая, повидимому, четверного союза; въ 7-хъ, вмѣшиваться въ отношенія сѣверныхъ государствъ и въ 8-хъ, вмѣшиваться также въ отношенія Россіи къ Персіи и Турціи*".

Но какъ ни сильно было вліяніе на Александра I клики, во главѣ которой стоялъ Меттернихъ, окончатель-

ному порабощенію ей Александра мѣшали еще нѣсколько лицъ, напоминавшихъ Александру о другихъ завѣтахъ Россіи и обращавшихъ его вниманіе на православную Грецію, которая въ 1822 г. возстала противъ Турціи. Однимъ изъ такихъ лицъ былъ гр. Каподистріа, хотя и грекъ, но интересы Греціи какъ православной націи, угнетаемой Турками, были ближе сердцу Россіи, нежели интересы Австріи и проч. Каподистріа очень мѣшалъ Меттерниху, которому наконецъ удалось таки заставить Александра охладѣть къ Каподистріа и предоставить управленіе русской внѣшней политикой одному Нессельроде. „Каподистріа въ Августѣ 1822 г. навсегда выѣхалъ изъ Россіи, а турецкія дѣла, которыми со времени Екатерины вѣдали русскіе государи, сносясь непосредственно со Стамбуломъ, *перешли на обсужденіе Европы*. Этимъ совершена роковая ошибка, чреватая послѣдствіями и она всецѣло лежитъ на отвѣтственности Александра Павловича поддавшагося вліянію кн. Меттерниха, замѣчаетъ историкъ Шильдеръ, для Россіи потеря Каподистріа была важнѣе проиграннаго сраженія". Самъ Меттернихъ сознавалъ всю важность ухода греческаго патріота и писалъ императору Францу: „Русскій кабинетъ однимъ ударомъ ниспровергъ великое твореніе Петра Великаго и всѣхъ его преемниковъ". „Понимали создавшуюся обстановку и многіе русскіе и въ числѣ ихъ Карамзинъ, а заблуждался лишь Русскій Государь", говоритъ В. Кн. Николай Михаиловичъ въ свои исторіи Алекс. I.

Но чаша измѣны національнымъ завѣтамъ и идеямъ не до конца еще была испытана Россіей. Послѣдней каплей, отравившей существованіе и жизнь Россіи до сего дня, были слова Александра I Шатобріану: „нельзя болѣе имѣть политики русской, англійской, французской, прусской, австрійской, есть нынѣ лишь одна главная политика, которая должна для спасенія всего быть принята всеобщей какъ народами такъ и королями. Я первый долженъ показать убѣжденность принципами, на

которыхъ я основалъ союзъ. Случай этотъ представился: это возстаніе Греціи. Ничто безъ сомнѣнія не казалось болѣе въ моихъ интересахъ и моего народа, въ мнѣніи моей страны, какъ религіозная война съ Турціей; но я видѣлъ въ волненіяхъ Пелопонесса революціонные признаки. Съ тѣхъ поръ я воздержался... Я никогда не отдѣлюсь отъ монарховъ съ которыми я соединился.... Что могло бы меня соблазнить? развѣ мнѣ нужно расширеніе моей монархіи"?....

Итакъ, нѣтъ болѣе политики *русской*—эти слова можно признать деклараціей Русскаго Императора Александра I, о его политическихъ планахъ и цѣляхъ. „То лицо, съ которымъ Александръ наиболѣе сблизился, несмотря на доказанныя его измѣны и предательства,—былъ не русскій вѣрноподданный ему, а Меттерних. Ему любовно и довѣрчиво Благословенный передавалъ веденіе европейскихъ дѣлъ на принципахъ Священнаго Союза. Усталый побѣдитель Наполеона вручалъ внутреннюю политику Россіи Аракчееву, а внѣшнюю политику нашу отдавалъ на попеченіе Меттерниху. Вотъ къ чему привели приступы меланхоліи, какъ результаты занятій съ разными экзальтированными проповѣдниками, мистиками, неуравновѣшенными лицами женскаго пола и всякими духовными мечтателями, говоритъ Вел. Кн. Николай Михайловичъ.

Я такъ долго остановился на эпохѣ Александра I потому, что ею дано то новое направленіе нашей внѣшней политики, съ котораго мы не рѣшаемся или не находимъ силъ сойти и которое воистину можетъ быть названо роковымъ какъ для Россіи, такъ и для славянъ.

Это новое направленіе политики нашей не можетъ быть названо иначе какъ антинаціональной.

Пока мы носились съ неосуществимыми идеями Священнаго Союза и руководились деклараціей Александра I о томъ, что нѣтъ болѣе русской или иной политики—другіе члены этого союза обдѣлывали однако свои дѣла,

и вели свою національную политику. Мы же какъ донкихоты усмиряли русскою кровью возставшую противъ Австріи Венгрію. Мы не помѣшали Пруссіи разгромить Данію, затѣмъ Австрію и Францію и оторвать отъ каждой изъ нихъ то, что нѣмцами было утрачено уже тысячу лѣтъ тому назадъ, какъ Шлезвигъ-Гольштинія, Эльзасъ, Лотарингія, мы помогли Пруссіи объединить всѣхъ нѣмцевъ въ одно могущественное Государство и пока мы мечтали объ общей и единой европейской политикѣ и сами не смѣли присоединить къ себѣ Галицію, т. к. по завѣту Александра I, намъ не приходится думать о расширеніи своихъ владѣній—Германскій націонализмъ выросъ въ такую мощь, которую Александръ I. конечно, не предвидѣлъ, а національная политика нѣмцевъ превратилась уже въ сверхъ національную и формулируется нынѣ уже въ Deutschland, Deutscheand über alless!

Обусловленное еще въ Аахенѣ вмѣшательство нѣмцевъ въ отношенія Россіи къ Турціи и даже къ Персіи такъ твердо установилось, что мы, ведя войну нашу съ Турціей въ 1877—78 г.г. не посмѣли ввиду возможнаго неудовольствія нѣмцевъ и англичанъ занять Константинополь. Еще до войны, чтобы заручиться дозволеніемъ на нее Австріи, мы запродали ей Боснію и Герцеговину,—иными словами, идя освобождать балканскихъ славянъ отъ ига Турецкаго, заранѣе предрѣшили очень большую часть славянъ передать подъ иго Австрійское. Освободивъ Грецію еще при Императорѣ Николаѣ I, посадили въ ней королемъ нѣмца, освободивъ Румынію и создавъ изъ нея независимое государство, на тронъ ея посадили нѣмца, въ освобожденной нами Болгаріи княземъ посадили нѣмца.

Теперь, наконецъ, взглянемъ на послѣднее проявленіе нашей внѣшней политики на ближнемъ востокѣ за послѣдній годъ. Это займетъ немного времени, т. к. событія этого года у всѣхъ живы въ памяти. Союзъ Балканскихъ славянъ и грековъ, какъ намъ извѣстно со-

здался трудами и подъ благословеніемъ нашей дипломатіи. Честь и слава ей за это, если это правда. Ясно, что союзъ этотъ былъ созданъ для удержанія съ одной стороны натиска на славянъ нѣметчины съ сѣвера, а съ другой—для освобожденій народовъ этого союза отъ власти турецкой на югѣ и дать имъ свободно владѣть населяемой ими земли до береговъ окружающихъ ихъ морей. Объ одномъ нельзя не пожалѣть, что заинтересованность нѣмцевъ въ смерти славянства и въ отношеніяхъ нашихъ къ Турціи не излечила насъ отъ гипноза незаинтересованности нашей въ этихъ вопросахъ гипноза наведеннаго на насъ еще при Александрѣ I. Очнись мы отъ этого гипноза, наша дипломатія не оставила бы балканскаго союза безъ включенія въ него и Россіи.

Недовершивъ такимъ образомъ дѣла до конца, въ то время какъ балканскій союзъ почувствовалъ себя готовымъ и бросился на Турцію, наша дипломатія была этимъ шагомъ союза недовольна. Но удивительнѣе всего такъ это то, что неудовольствіе это росло по мѣрѣ развитія ошеломившихъ всю Европу успѣховъ союза надъ казавшейся сильной Турціей. Мы перепугались результатовъ собственнаго творенія—побѣдъ союза, а главнымъ образомъ это было непріятно Берлину. И мы вмѣсто поддержки и вмѣсто собственнаго выступленія рядомъ съ союзомъ къ достиженію болѣе тысячи лѣтъ лелѣяной народомъ мечты—овладѣнія Константинополемъ, какъ зазѣвавшаяся нянька бросились по совѣту сторожа Европы Берлина, унимать разыгравшихся своихъ малышей, отъ шутки перешедшихъ въ серьезную потасовку.

Тутъ появилась на сцену, конечно первымъ дѣломъ наша незаинтересованность, затѣмъ локализація драки, затѣмъ запрещеніе союзу брать Адріанополь, Дураццо, Скутари и проч., совсѣмъ какъ разодравшимся въ саду ребятамъ запрещаютъ мять цвѣты и траву. Еще война въ самомъ разгарѣ, а въ Лондонъ уже поѣхали какъ заинтересованные, такъ и незаинтересованные вершители

судебъ славянства и Турціи. Здѣсь произошло нѣчто невѣроятное—тройственное соглашеніе (Россія, Франція и Англія), преслѣдующее какъ бы цѣли и интересы діаметрально противоположныя цѣлямъ и интересамъ тройственнаго союза (Германія, Австрія, Италія) пошло на уступки во всѣхъ даже самыхъ вопіющихъ по несправедливости и дикости требованіяхъ тройственнаго союза. Вышло что то кошмарное—воевать воюй съ турками балканскій союзъ, но что либо завоевывать не смѣй. За то Австрія въ тылу возможнаго движенія союза противъ нее, должна создать подчиненное ей государство Албанское и непремѣнно съ нѣмцемъ же на тронѣ и со столицей въ Дураццо, дабы окончательно лишить Сербію выхода къ Адріатическому морю. Получила клокъ отъ Болгаріи и не воевавшая Румынія.

Ни настроеніе русскаго общества, настойчиво выражавшаго необходимость нашего вмѣшательства въ войну союза съ Турціей, ни понуканія нашей дипломатіи представителями правительствъ союзныхъ съ нами Англіи и Франціи и ихъ прессы, чтобы она, наша дипломатія, была рѣшительнѣе и сильнѣе—ничто не въ состояніи было вывести нашу дипломатію изъ состоянія атрофіи и прострація. Выступленія общества были задавлены и въ угоду Берлину разогнаны нагайками, а пробудившаяся было нѣкоторая рѣшимость правительства нашего на активное вмѣшательство остановлено было какъ недавно оповѣстилъ „Колоколъ“ нѣкіимъ проникновеннымъ старцемъ. Нашимъ лозунгомъ стало: „что бы ни было, но мы воевать не будемъ“.

Существованіе союза, хотя и лишеннаго плодовъ своихъ побѣдъ, было нежелательно нѣмцамъ, т. к. онъ разстраивалъ всѣ ихъ планы на овладѣніе Балканскимъ полуостровомъ и на соединеніе Багдадской ж. д. съ Германіей посредствомъ моста черезъ Босфоръ. Чтобы не показалось это моимъ измышленіемъ, позволю себѣ сослаться на слова Профессора Циммерера изъ его исторіи

„Европейская Турція и Арменія". Въ главѣ о разрушеніи Византійской имперіи, излагая эпоху Султана Магомета II (съ 1451—1481 г.г.), между прочимъ, профессоръ Циммереръ пишетъ:... „Весной 1452 года онъ, Магометъ II, приступилъ къ постройкѣ крѣпости на самомъ узкомъ мѣстѣ Босфора, гдѣ ширина его равняется 550 метрамъ... здѣсь нѣкогда переправился черезъ Босфоръ по пантонному мосту Мандрокла Дарій со своимъ войскомъ; *на этомъ же мѣстѣ намѣченъ на планѣ нѣмецкими инженерами постоянный желѣзнодорожный мостъ будущей Багдадской дороги*".

Изъ этого видно, что задуманная нѣмцами Багдадская жел. дорога не имѣетъ въ глазахъ нѣмцевъ значенія мѣстной желѣзной дороги, обслуживающей торговые интересы Турціи лишь въ Малой Азіи, но имѣетъ характеръ Магистрали, связывающей непосредственно Берлинъ съ Персидскимъ заливомъ. Поэтому съ идеей Багдадской жел. дороги у нѣмцевъ создалась идея и о желѣзнодорожномъ мостѣ чрезъ Босфоръ и конечно о продолженіи этой дороги чрезъ земли Балканскихъ славянъ. Для спокойнаго же обладанія этой дорогой нѣмцамъ необходимо порабощеніе имъ Балканскихъ славянъ къ чему нѣмцы, при благосклонномъ попустительствѣ и даже сотрудничествѣ нашей дипломатіи, неукоснительно стремятся въ полной увѣренности на успѣхъ.

Непріятный союзъ необходимо разрушить и вотъ Австрія натравливаетъ Болгарію на Сербію въ расчетѣ на разгромъ послѣдней.

Завязалась борьба уже между братьями, вчерашними союзниками. Мы обвиняемъ болгаръ и сербовъ, когда должны бія себя въ перси восклицать mea culpa, mea maxima Culpa! Наша вина въ этомъ и больше ничья. И въ самомъ дѣлѣ, что оставалось имъ дѣлать стѣсненнымъ, при нашемъ содѣйствіи, Албаніей, Турціей, Румыніей, Австріей, какъ невольно наступать другъ на друга. Посадите двухъ братьевъ въ мѣшокъ и завяжите его выходъ

и они невольно передерутся изъ за болѣе удобнаго въ немъ размѣщенія.

Что дѣлала наша дипломатія для исправленія своей же ошибки и слѣпоты? Ничего, если не считать нѣсколькихъ телеграммъ. Но на народы, оскорбленные отношеніемъ къ нимъ европейскаго концерта, а главное безмолвнымъ участіемъ въ немъ Россіи, и психика которыхъ взбудоражена всѣмъ совершаемымъ надъ ними, не дѣйствуютъ даже самыя сердечныя успокоительныя телеграммы: а успокоить ихъ и остановить кровопролитіе между братьями славянами могли лишь рѣшительныя дѣйствія съ нашей стороны, активное вмѣшательство въ эту распрю.

Но мы предпочли наблюденіе со стороны, чѣмъ воспользовалась Румынія и поощряемая Берлиномъ Турція, которыя и одержали безкровныя побѣды надъ Болгаріей, причемъ Румынія отторгла отъ нея богатѣйшую хлѣбородную Добруджу, а турки вернули завоеванныя потоками славянской крови крѣпости.

Правда, дипломатія наша въ это время не молчала--она писала и говорила, но и только—дѣйствій же и физическаго давленія на Турцію и на Румынію, захватившую данное болгарамъ Россіей въ 1878 году завоеванное русской кровью достояніе не было. Единственное средство придумала наша дипломатія—это финансовый бойкотъ Турціи.

Но вѣдь это не политика могущественнаго государства, а политика дѣтей, играющихъ въ государства—и наказывающихъ врага лишеніемъ пирожнаго. Неужели дипломатія наша такъ близорука и наивна, что не понимаетъ простой вещи, что для дѣйствительнаго бойкота Турціи нужно прежде всего организовать финансовый бойкотъ со стороны тройственнаго соглашенія всего тройственнаго союза. Пока же этого нѣтъ—Турція всегда достанетъ нужныя ей деньги. И мы поговорили въ Константинополѣ и Берлинѣ и въ другихъ столицахъ о необходимости оставленія турками, присужденнаго къ тому

же Европой Болгаріи, Адріанополя, но турки не двинулись и мы смолчали.

Сейчасъ идетъ новое дѣйствіе мелодрамы, разыгрываемой европейскимъ концертомъ на ближнемъ востокѣ, но стоящей жизни и достоинства славянъ и Россіи. Нѣмцы захватили въ свои руки командованіе турецкой арміей. Мы снова пишемъ и говоримъ въ Берлинѣ и въ Константинополѣ и жалуемся, что нѣмцы насъ обижаютъ въ конецъ—совершенно какъ въ баснѣ „Котъ и поваръ", котъ Васька плутъ, котъ Васька воръ и т. д., а Васька слушаетъ да ѣстъ. — И „Вильгельмъ" слушаетъ, да ѣстъ.—Почему? Да все потому, что всему свѣту, а Вильгельму еще лучше, извѣстно, что, чтобы ни было, а мы воевать не будемъ. Нашъ девизъ *мирное житье во что бы то ни стало.*

Но вотъ что Петръ Великій говорилъ несчастному сыну своему Алексѣю, упрекая его въ нелюбви къ военному дѣлу: Я не научаю, чтобы охочъ былъ воевать безъ законной причины, но любить сіе дѣло и всею возможностью снабдѣвать и учить; ибо сіе есть единое изъ двухъ необходимыхъ дѣлъ къ правленію, еже распорядокъ и оборона. Отъ презрѣнія къ войнѣ *общая гибель* слѣдовать будетъ, какъ то въ паденіи Греческой монархіи явный примѣръ имѣемъ: не отъ сего ли пропали, что оружіе оставили и единымъ миролюбіемъ побѣждены, желая жить въ покоѣ, всегда уступали непріятелю, который ихъ покой въ нескончаемое рабство тиранамъ отдалъ".

И такъ вотъ оцѣнка политики покоя и миролюбія государства и его правителей, сдѣланная Петромъ Великимъ и пророчество его Россіи гибели и рабства, если мы будемъ продолжать политику миролюбія и мира во что бы то ни стало.

Пора одуматься, пора!

Аннибаллъ у воротъ,—восклицали римскіе сенаторы,—чтобы поднять римлянъ на защиту родины, ея

жизни, чести, свободы и процвѣтанія, отъ порабощенія карфагенянами;—я позволю себѣ сказать Вамъ, милостивые Государи, нѣмецъ у воротъ нашего Чернаго моря, нѣмецъ въ Царьградѣ, вмѣсто насъ. Пробудитесь, очнитесь отъ вѣкового оцѣпененія и спячки, иначе мы погибнемъ.

Что же намъ дѣлать, быть можетъ спросятъ меня. По моему мы должны рѣшительно и безповоротно вернуться къ національной политикѣ, бывшей до эпохи Павла и Александра I, и во 1-хъ) во что бы то ни стало примирить Болгарію съ Сербіей; 2) возобновить союзъ Балканскій и войти въ этотъ союзъ Россіи совершенно явно и открыто; 3) немедленно вернуть изъ Берлина наши сотни милліоновъ; 4) разорвать рѣшительнымъ образомъ нашъ противоестественный союзъ съ Берлиномъ, въ которомъ мы пребываемъ, несмотря на то, что мы состоимъ въ то же время въ союзѣ съ Франціей и Англіей противъ Германіи, Австріи и Италіи; 5) объявить Германіи, что Подсдамское соглашеніе утратило всякую силу, и конечно не стропть обѣщанныхъ нами нѣмцамъ жел. дор. въ Персіи—на такое безуміе нужно надѣяться не ассигнуетъ денегъ и Государственная Дума; 6) Потребовать отъ Турціи немедленнаго удаленія генерала Сандерса и др. нѣмецкихъ генераловъ и офицеровъ изъ турецкой арміи, а въ случаѣ неисполненія запять Арменію и угрожать разрушеніемъ Багдадской жел. дор.; 7) Никакихъ интересовъ нѣмецкихъ въ Арменіи и вообще на Ближнемъ Востокѣ не признавать и 8) Если это вызоветъ со стороны Берлина угрозу намъ войной, войну принять съ радостью и закончить войну, лишь взятіемъ Берлина и Вѣны чрезъ которые нынѣ идетъ путь намъ въ Константинополь, присоединить къ намъ Галицію, надъ которой издѣваются нѣмцы и венгры, объединить всѣхъ славянъ, запять проливы и не удивитесь, господа, возстановить Польшу. Послѣднее средство будетъ лучшимъ

удержемъ нѣмцевъ въ ихъ природныхъ границахъ. Польша намъ не нужна, намъ нужна Червонная Русь, чрезъ которую мы только и можемъ протянуть руку прикарпатскимъ и Балканскимъ славянамъ.

Повторяю, нѣмецъ у воротъ!

Пробудитесь же, очнитесь, русскіе люди!